

Комната погрузилась в тишину после ухода Эммы, воздух стал ощутимо тяжелым. Я чувствовал на своих плечах тяжелый взгляд Марии. Это неудивительно, даже для такой милой, но не слишком умной женщины. Маленькая девочка с улыбкой на лице нагло портит подарок от самой императрицы – для кого-то, кто всю жизнь проработал во дворце, это, должно быть, было шокирующее зрелище.

"Ты тоже можешь идти, Мария," говорю я, чувствуя легкую подавленность из-за исходящего от нее подозрительного настроения. Она выходит, не сказав ни слова, и я остаюсь один – состояние, к которому я уже привык.

Я плюхаюсь на кровать, уткнувшись лицом в одеяло. Мне немного больно, когда я думаю о тяжелом взгляде Марии. Я потираю грудь, жест, который доставляет неудобство, так как моя грудь лежит на кровати, надеясь, что неприятное ощущение в груди пройдет.

Оно не проходит и становится только тяжелее по мере приближения весеннего бала. Я снова потираю грудь, сидя на диване для последнего урока перед балом, и каждый раз, когда я моргаю, мои глаза будто трет наждачная бумага. Спать было очень трудно, и, насколько мне известно, в этом мире нет ничего, что можно было бы сравнить с кофе.

"Сосредоточьтесь!" резко обрывает меня миссис Ларош, как обычно, не проявляя сочувствия к моим страданиям.

Сегодняшний урок был полностью посвящен приветствию других дворян. Мы провели первую половину утра, заучивая различные имена и дома, в чем я, естественно, преуспевал, несмотря на недостаток сна. Но помнить имена и правильно приветствовать дворян разного ранга – это совсем другое дело.

Для некоторых элитных особ я должна полностью присесть в реверансе, а для других достаточно простого кивка. Координация движений в этом юном теле – не моя сильная сторона, и за все утро я выслушала немало укоров.

"Держите спину прямо!"

..

"Носок должен касаться пятки как следует".

"Кивок! Не поклон! Вы намного выше по рангу, чем граф!"

Я послушно следую указаниям, мысленно отсчитывая минуты до свободы. Но меня прерывает миссис Ларош, опускаясь передо мной на колени, отчего я невольно приподнимаю бровь. Постоянные хмурые складки вокруг ее рта и бровей, придающие ей вечно раздраженный вид, слегка смягчаются. Это.. беспрецедентно.

"Да, миссис Ларош?" спрашиваю я сразу же, опасаясь, что она может вновь разразиться потоком упреков, теперь уже прямо в лицо.

"Вам нужно.. быть осторожнее, чтобы не разозлить не того человека," предупреждает она, и легкий ветерок, пахнущий весенним луком и чем-то еще, заставляет меня с трудом сдерживать желание сморщить нос.

Я заставляю Марию тщательно приносить мне мятные листья и уголь, чтобы чистить внутри рта, пытаясь сохранить некоторые из моих современных привычек к гигиене. Но в этот день и

возраст не принято так часто чистить рот, к моему великому огорчению каждый раз, когда кто-то говорит слишком близко к моему носу.

"Да, миссис Ларош."

"И я знаю, что научила вас правилам этикета при общении с другими благородными девушками, но на этом балу, я думаю, будет лучше, если вы будете держаться рядом с вашей няней и наблюдать, как все будет происходить," инструктирует она строгим тоном, который, тем не менее, звучит мягче, чем все, что она когда-либо говорила мне. Ее глаза ясны и честны, будто я могу видеть все ее намерения за их слегка воспаленными веками.

"Да, миссис Ларош," отвечаю я снова, тронутая, но немного недоверчивая к такой перемене в ее поведении. Возможно, ее одержали добрые инопланетяне? Миссис Ларош совершенно упускает подозрительный взгляд в моих глазах, быстро собирает вещи и выходит с той же поспешностью, как всегда. Ее пышная юбка едва успевает мелькнуть за дверью Розового дворца, как на мое плечо ложится рука, заставляя меня подпрыгнуть от неожиданности.

Я резко разворачиваюсь, испуг делает мой голос еще выше обычного.

"Эмма!" выдыхаю я, хватаясь за грудь в слабой попытке удержать сердце, чтобы оно не выпрыгнуло. Моя подружка слишком хороша в этом, всегда появляясь из ниоткуда, чтобы напугать меня до дрожи. Такими темпами я могу умереть от сердечных проблем, прежде чем императрица Катя придумает, как окончательно избавиться от меня.

"Ваше высочество," говорит она своим обычным бесстрастным тоном, ее короткие волосы сегодня закрывают глаза, так что я не могу посмотреть на них и понять, насмехается ли она надо мной.

"Я продала те платья по самой высокой цене, которую смогла получить." Ее руки спрятаны за спиной, и это напоминает мне солдата, замершего по стойке "смирно".

"Говорила," рассеянно поправляю я ее, как я сделал бы с младшим братом или сестрой.

".. Говорила."

Я мысленно пожимаю плечами, я уверена, что когда-нибудь она избавится от этого акцента. Ведь она еще так молода. Но что более важно, ее руки пусты, в них нет ни кошелек, ни сумки.

"Где деньги?" спрашиваю я. Это звучит больше как контрабанда наркотиков, чем перепродажа моих уродливых платьев.

"Я отведу вас к ним, ваше высочество." Она резко поворачивается и начинает идти, заставляя меня чуть не споткнуться, когда я следую за ней по незнакомым мне извилистым коридорам.

Эмма всегда обладала врожденным чувством направления.

Это было необходимо для ее выживания в Вест-Энде, непопадном, бедном районе, непригодном для воспитания ребенка. Ее мать была куртизанкой, которая скончалась от неизлечимой болезни, которую она приобрела от одного из своих нечистоплотных клиентов. Поскольку куртизанки были свободными людьми, которые занимались слегка приукрашенным вариантом проституции, Эмме не пришлось работать в том же Красном Доме после того, как ее

мать умерла от этой болезни.

Но тот самый Красный Дом, непримечательное название для борделей, населенных куртизанками, которые обслуживали различных клиентов по всей Империи, безжалостно выгнал Эмму, не оставив ей ни копейки из тяжело заработанных денег ее матери.

"Это не было для вас слишком трудным, верно?", - тревожно спросила принцесса за спиной Эммы, совершенно не зная ее мыслей.

Эмма кивнула головой, на ее лице появилась улыбка, которую принцесса Винтер не могла увидеть. В своем коротком прошлом она уже прибегала к гораздо более отвратительным средствам для получения денег, и продажа отвергнутых платьев была намного респектабельнее по сравнению с ее прошлыми злоключениями.

Затемненные коридоры начали показывать, что они выходят из основной части моего дворца и направляются к покоям служанок. Светло-розовые стены постепенно бледнели, становясь тусклыми серыми, и половицы, которые не получали должного ухода, громко скрипели.

Эмма была уверена, что юная принцесса, которую она начала воспринимать как младшую сестру, должна быть любопытна, куда они идут, но ее любопытство было хорошо скрыто, и она послушно следовала за Эммой. Немногочисленные служанки, которые бродили по задним коридорам, вздрагивали при виде хозяйки дворца, бегающей с юной служанкой, и тут же падали в глубоких реверансах.

Ни одна из девушек не обращала на это особого внимания, и, наконец, Эмма привела принцессу за официальную кухню, где готовили ее еду, к более маленькой и менее ухоженной кухне для слуг. Яркие волосы принцессы Винтер и ее голубое платье выделялись, словно капля белого на темном холсте. Эмма обернулась и многозначительно посмотрела на принцессу, и принцесса Винтер поняла ее намек, тут же сложив руки перед собой и строго приказав всем служанкам покинуть кухню.

"Вы все можете уйти", - объявила она, ее голос становился все более правильным с каждым днем. Эмме было забавно наблюдать, как принцесса Винтер всегда ведет себя так, будто она гораздо старше, чем есть на самом деле. Хотя Эмма не любила выражать свои чувства, она часто внутренне посмеивалась над этим зрелищем.

"Что вы хотите мне показать?" - спросила принцесса Винтер, ее любопытство было неоспоримо.

Ветхая кухня слуг с ее грязным полом и стенами, испачканными жиром, была необычным местом для сокрытия денег. Эмма неодобрительно посмотрела на груды мешков с картофелем, ведь ей пришлось заниматься этим гораздо больше, чем она хотела, прежде чем ее повысили до личной служанки принцессы. Но ее прошлая неприязнь к картофелю сделала его прекрасным местом для сокрытия.

Юная служанка не стала ходить вокруг да около, она отодвинула назад свои черные рукава и начала разбирать высокую кучу мешков с картофелем, грубая мешковина царапала ее натруженные руки. Вскоре вся куча была разложена вокруг кухни, оставив только один последний мешок, который звенел, когда Эмма его подняла.

Этот звук был чистым наслаждением для ушей Эммы, и хитрая эмоция пробралась сквозь ее охрану, озарив ее лицо улыбкой, словно солнце, выглядывающее из-за облаков.

"Вот она, улыбка с деньгами!" - весело пропела принцесса Винтер. "Было умно спрятать их в

этом мешке, тогда никто бы не знал, что ты носишь что-то еще."

Эта юная девушка была настоящей куколкой, Эмма не могла не поддаться очарованию неожиданно ангельского голоса Винтер. Если бы эта известная принцесса вместо этого была ребенком, отправленным на обучение в Красный Дом, куртизанки чувствовали бы зависть к тому, что такой юный ребенок, несомненно, превзошел бы их в талантах и красоте в будущем.

"Да, ваше высочество, так и было задумано", - медленно произнесла Эмма. Без предисловий она ослабила узел на горловине мешковины и позволила нескольким монетам высыпаться ей в ладонь. Золотые, яркие золотые монеты. Ее самое любимое. Она не ошиблась, полностью отдавшись на службу принцессе Винтер в качестве своей хозяйки.

Эмма почувствовала ранее, что принцесса Винтер была чем-то подавлена, уголки ее маленького рта, изогнутого бантиком, были опущены все время, пока она смотрела на нее. Но при виде золотых монет принцесса заметно ожила. Эмма почувствовала легкую радость в своем сердце, видя, как принцесса Винтер, которую она считала другом, демонстрирует счастливое выражение лица.

"Сколько ты получила?"

"2000 золотых монет, ваше высочество".

Принцесса одобритительно кивнула, ее глаза затуманились, когда она тут же начала задумываться, что она сделает с деньгами.

"Инвестиции.. определенно инвестиции", - размышляла принцесса, когда Эмма ссыпала монеты, которые держала в руках, обратно в мешок.

Эмма с нетерпением повернулась к принцессе. Ей было непросто тайком вынести щедрую кучу одежды из дворца и вернуться с деньгами, не подвергаясь ограблению. Она ожидала вознаграждения.

Принцесса, погруженная в свои мысли и уже возвращавшаяся в свою комнату, обернулась, когда почувствовала, что Эмма не стоит у нее за спиной, и приподняла бровь. Эмма взглянула вниз на мешок из рогожи, а затем на принцессу, ее нахальная улыбка расширилась, когда брови Принцессы Зимы поднялись с недоверием.

"Как только мы придем в комнату! Обещаю!" - сказала она с вздохом. Эмма радостно кивнула и начала следовать за принцессой, неся мешок, словно собака, несущая лакомство.

В конце концов, Эмма была вознаграждена 20 золотыми монетами за свои труды и молча сопровождала принцессу, наполняя ее чашку чая, пока Принцесса Зима читала книгу, почти такую же большую, как она сама. Принцесса была поистине необычной, будучи такой одаренной в чтении и говорении, когда она была моложе Эммы. Юная служанка находила свою госпожу немного странной, но годы, проведенные на улицах, дали ей чрезвычайно проницательный глаз для намерений других.

Принцесса Зима была странной, но вполне искренней.

Мари была милой и немного глуповатой, но она кормила Эмму теми же вкусными закусками, что и Принцесса Зима, так что Эмма не могла жаловаться.

Но этот странно красивый мужчина с фиолетовыми глазами, который забрал платье без торга

и предложил ей слишком много денег за них, был кем-то, с кем закаленная уличная жизнь Эммы никогда не сталкивалась и с кем она никогда не хотела встречаться снова.

Ее разум снова и снова воспроизводил момент, когда он дал ей несколько цветов, белых камелий.

"Для твоей госпожи", - сказал он с подмигиванием.

Эмма подавила дрожь, когда с отвращением посмотрела на снежно-белые цветы, желая отбросить их подальше от глаз. Но ее грубые руки крепко сжимали стебли камелий, не ослабляя их тисков, пока она неохотно не поместила их в вазу в комнате Принцессы Зимы.

<http://tl.rulate.ru/book/30200/3808093>